

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

НИКИТА ПАНИН И ЕКАТЕРИНА II: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

К.Д. Бугров

Кафедра истории России
Уральский государственный университет им. А.М. Горького
пр. Ленина, 5, Екатеринбург, Россия, 1620083

Статья посвящена проблемам политических взаимоотношений между Екатериной II и одним из ее наиболее влиятельных сановников, Н.И. Паниным. На основании изучения концептуального аппарата, с помощью которого Екатерина и Панин анализировали характер верховной власти в Империи, принципы ее функционирования, легитимации и сохранения, можно сделать вывод о том, что конфликт между этими политическими деятелями носил не идеологический, а личный характер. Провал же реформаторской программы Панина был в значительной степени связан со спецификой легитимации переворота 1762 г., возведшего Екатерину II на трон.

Ключевые слова: Н.И. Панин, Екатерина II, Ш.-Л. Монтескье, Императорский совет, фундаментальные законы, политический лексикон XVIII в., дворцовые перевороты в России.

В политической истории России особое место традиционно занимает обширный проект реформы системы управления Империей, который летом 1762 г. был предложен Екатерине II обер-гофмейстером Н.И. Паниным – одним из наиболее доверенных советников императрицы, наставником ее сына, великого князя Павла Петровича. Проект Панина был близок к тому, чтобы стать действительностью: 28 декабря 1762 г. Екатерина II подписала манифест, однако затем (как считает современный исследователь А.Б. Плотников, 11 февраля 1763 г. или накануне этого дня (1)) надорвала свою подпись.

Предложения Панина были связаны с двумя намечавшимися реформами: созданием Императорского совета и изменением положения Сената – и предположительно могли не только «способствовать защите дворянских прав, собственности, чести, защищать их от произвола самодержца и его фаворитов (2), но и стать первым шагом на пути к «представительному правлению» (3).

Сегодня исследователи интерпретируют этот проект как попытку реализовать конституционалистские (4), аристократические (5) или даже республиканские (6) предпочтения екатерининского сановника. Причиной провала реформы в большинстве случаев называют столкновение между конституционалистскими устремлениями Панина и «самодержавным» характером власти российской императрицы, принципиально не терпевшим никаких «ограничений».

Между тем Императорский совет в том виде, в каком он предстает в проектах Панина (как в проекте манифеста 1762 г., так и в позднейших записях начала 80-х гг. XVIII в.), не располагал возможностями легального ограничения власти монарха. Недаром в предложенном Паниным проекте манифеста от лица императрицы говорилось: «Императорский же совет не что иное, как то самое место, в котором мы об империи трудимся, и потому все доходящая до нас, яко до государя, дела должны быть по их свойству разделяемы между теми статскими секретарями, а они по своим департаментам должны их разсматривать, вырабатывать, в ясность приводить, нам в совете предлагать и по них отправлении чинить нашим резолюциям и повелениям» (7).

Не только в проекте 1762 г., но и в позднейших текстах Панин решительно отказывал Совету в праве принимать решения без участия монарха, отмечая, что «из сего императорского совета ни что исходить не может иначе, как за собственноручным монаршим подписанием». Самостоятельно Совет мог только отвечать на запросы и выдавать справки и дела по уже решенным вопросам, за подписью одного из советников или «правителя канцелярии». Следует согласиться с мнением А.Б. Плотникова, который характеризует Совет как «вполне обычное бюрократическое учреждение» (8).

В черновом докладе, который должен был предварять проект манифеста о реформе, Панин подвергал суровой критике Сенат. Обер-гофмейстер полагал, что неспособность Сената заниматься созидательной деятельностью объясняется общей спецификой коллективных органов: «Таково существо всех вообще трибуналов и во всех государствах. А те люди, которые где из сих пределов выходят, везде почитаются чрезвычайными, и число их, а особливо в коллегиях, также везде не весьма велико» (9). Впрочем, не считая коллективные органы способными заниматься созидательной (в первую очередь – законотворческой) деятельностью, Панин отводил им роль своеобразного пассивного противовеса законодательной власти монарха. Сенат предполагалось наделить «правом представления» на распоряжения императора. Такое видение места Сената в политической системе Империи опиралось на идеи Монтескье, с которыми Панин был отлично знаком.

По мнению Монтескье, в монархиях «установлен умеренный образ правления» в силу того, что «каждая власть распределена там особым образом, который более или менее приближает ее к свободе, без чего монархия выродилась бы в деспотизм». Таким образом, «государь обладает властью

исполнительной и законодательной или по крайней мере частью законодательной, но сам не судит» (10). В дополнение Монтескье указывал на необходимость особого учреждения, «хранящего» законы, публикующего их и напоминающего, когда о них забывают. Именно этим учреждениям, по мнению французского мыслителя, и необходима медлительность в обсуждениях, пагубная в иных случаях (11).

В целом, Панин следовал именно логике Монтескье. Присутствовавшие в проекте 1762 г. элементы «сдерживания» суверенной власти императора касались не столько характера этой власти, сколько способа ее реализации; это, в свою очередь, предполагало осознание самим монархом необходимости определенного самоограничения в пользу искусства принимать взвешенные решения, договариваться, внушать подданным любовь и избегать «деспотичества». По-видимому, предложения Панина относительно преобразований Совета и Сената опосредованно опирались на политические образцы французской монархии; об этом же говорит понимание Паниным «фундаментального закона» монархии как порядка престолонаследия (впрочем, этот момент не был акцентирован им в проекте 1762 г.).

Проект Панина вызвал определенную дискуссию, носившую заочный характер – императрица собрала несколько «мнений» своих приближенных о проекте. Большинство авторов «мнений» в той или иной степени солидаризировались с Паниным; исключением явился генерал-фельдцейхмейстер А.Н. Вильбоа, полагавший: «Влиятельные члены обязательного и государственного законом установленного императорского Совета весьма удобно могут вырасти в соправителей... а такое преобразование неминуемо привело бы к разрушению могущества и величия Российской империи... Русский государь необходимо должен обладать неограниченною властью» (12). Вильбоа утверждал, что императрица «не нуждается ни в каком особенном «совете», но ее здоровье требует облегчения от несносной тягости восходящих до нее нерасследованных дел». Считается, что именно это «мнение» инспирировало отказ императрицы провести в жизнь реформаторские предложения Панина.

Этот отказ стал для историков поводом заподозрить своего рода идеологический конфликт между аристократически-ограничительными стремлениями Панина (или даже целой группировки его единомышленников – «партии Панина») и деспотическими амбициями Екатерины. Как мы уже отмечали, подобное допущение до сих пор остается базовым для большинства исследовательских реконструкций политической картины екатерининского царствования.

Однако, по нашему мнению, идеологические разногласия между императрицей и ее министром по вопросам организации высшей власти в Империи обнаружить довольно-таки сложно. Речь идет не о сходстве реформаторских программ как таковых (нельзя не только ручаться за то, что взгляды Панина и Екатерины совпадали, например, по отдельным вопросам эконо-

мики, финансов или внешней политики, но и с уверенностью говорить о реальном существовании в данном случае целостных *программ* или *доктрин*), а о сходстве тех *дискурсов*, в рамках которых шла речь о характере верховной власти в Империи, принципах ее функционирования, ее легитимации и сохранении.

Действительно, своеобразный, формировавшийся под влиянием идей Монтескье дискурс лояльности и стабильности, характерными элементами которого являются понятия «фундаментальных законов», «посредствующих властей», «хранилища законов», а также идеи сенатского права представления и обособления судебной власти в Империи, был актуализирован и самой императрицей. Интерес к идеям французского мыслителя, несомненно, объединял Екатерину II и ее министра и вполне соответствовал духу времени. Как отмечает С.В. Польской, «во второй половине XVIII в. зарождается новая интеллектуальная парадигма конституционализма, восходящего к концепции “истинной монархии” Монтескье» (13). В своем «Наказе» императрица использовала (по крайней мере, в тех главах, где речь шла о политико-правовых основаниях управления Российской империей) тот же восходящий к трактату Монтескье «О духе законов» лексикон, что и Панин в своих реформаторских проектах.

В главе III «Наказа» речь шла о «безопасности постановлений государственных». Это выражение является, по-видимому, переводом на русский выражения «безопасность конституции государства» («*Surete de constitution de l'Etat*»), использованного во французском тексте «Наказа». Входящий в эту главу п. 20 гласил: «Законы, основание державы составляющие, предполагают малые протоки, сиречь правительства, через которые изливается власть Государева»; во французском варианте этого пункта говорится о «*Lois fondamentales d'un Etat*». Императрица наделяла «власти подчиненные, посредствующие и зависимые» правом «представляти, что такой то указ (14) противен Уложению, что он вреден, темен, что не лъзя по оному исполнить; и определяющие наперед, каким указам должно повиноваться, и как по оным надлежит чинить исполнение» (15). Законы, «дозволяющие» подобное право представления, должны сделать «твердым и неподвижным установление всякаго государства»; во французском тексте речь шла о твердости «*la constitution de l'Etat*» (16).

В главе IV особо была оговорена потребность в «хранилище законов» (*Depot des Lois*). Роль такого «*depot*» в России должен был играть Сенат, наделенный правом представления. Как отмечалось в п. 28, Сенат, «законов хранилище есть особливое наставление, которому последуя выше означенныя места, учрежденныя для того, чтобы попечением их наблюдаема была воля Государева сходственно с законами во основание положенными и с государственным установлением». Из французской версии этого же пункта явствует, что под «законами во основание положенными» (как мы уже отмечали) понимались «*lois fondamentales*», а под «государственным установле-

нием» – «*constitution de l'Etat*». Эта же формулировка использовалась в «Рассуждении о непременных государственных законах» и в письмах и проектах брата Н.И. Панина, генерала П.И. Панина, адресованных Павлу Петровичу: «фундаментальные права» и «форма правления».

В историографии принято указывать – вслед за М.М. Щербатовым – на то, что Екатерина по сути обесценила идею Монтескье, объявив «хранителем законов» не сословное учреждение, наделенное известной долей автономии, а бюрократический Сенат (17). Возможно, императрица и впрямь интерпретировала Монтескье весьма вольным образом, но в равной степени возможно и то, что симпатизировавший аристократическому республиканизму Щербатов позволил себе аналогичные вольности интерпретации в определении характера, скажем, французских *Parlements*. Зато интерпретацию Екатериной Монтескье, по-видимому, разделял (возможно, и вдохновлял) Панин, для которого Сенат оставался «государственным присутственным местом», «трибуналом». Правда, в одной из последних бесед с великим князем Павлом Петровичем, известной как «Рассуждения вечера 28 марта 1783», Панин предлагал сделать Сенат выборным, но при утверждении кандидатов в сенаторы монархом (18).

Проекты Панина в целом объединены стремлением к известному обособлению судебной власти (понятой в характерном для XVIII в. широком смысле – как власть, исполняющая законы), что вполне отвечало логике Монтескье. Реформа Сената и наделение его правом представления и должно было запустить механизм подобного отделения.

Равным образом и в главе IX «Наказа» говорится об особом положении «судейской власти» в «самодержавном (в данном контексте, как видно из французского текста главы, это слово означает «в монархическом». – *К.Б.*) правлении». П. 98 констатировал: «Власть судейская состоит в одном исполнении законов, и то для того, чтобы сомнения не было о свободе и безопасности граждан», тогда как п. 99 уточнял: «Для сего ПЕТР Великий премудро учредил Сенат, коллегии и нижния правительства, которыя должны давать суд именем Государя и по законам: для сего и перенос дел к самому Государю учинен толь трудным; закон, который не должен быть никогда нарушен» (19).

Наконец, в анонимном сочинении «Антидот» (20), написанном, как считается, самой Екатериной II и посвященном опровержению неблагоприятных по отношению к России рассуждений аббата Жана Шапп д'Отроша (21), параллель между *Parlements* и Сенатом проводилась напрямую: «Ненавидистное название деспота, которое аббат смеет постоянно давать Русскому Государю, вот другая черта, ясно доказывающая его зложелательство. Очень хотелось бы знать, г. аббат, что значит у вас слово Государь (*Souverain*)? Король, издающий законы? Наш Государь делает то же самое. Вы имеете Парламенты, отказывающиеся принимать дурные законы, но которых к тому принуждают после некоторых препираний: у нас есть Сенат, имеющий те же

права; но наши Государи избегли протестов, издавая законы лишь по представлению этого Сената или воздерживаясь от того, что могло бы навлечь на них протест» (22). Аналогичным образом роль Сената оценивалась императрицей и в небольшом по объему тексте, известном как «Политические заметки», где было указано: «Власть Сената: давать жизнь постановлениям указами для исполнения и регистрацией... передавать всем магистратам их гражданскую юрисдикцию... получать апелляции всех судов... некоторый надзор за финансами» (23).

В «Собственноручном наставлении» князю А. А. Вяземскому при вступлении его в должность генерал-прокурора в 1764 г. (24) Екатерина фактически повторила критику Сената, содержащуюся в проекте Н.И. Панина: «Сенат же, вышед единожды из своих границ, и ныне с трудом привыкает к порядку, в котором ему быть надлежит... однакож покамест я жива, то останемся как долг велит». От критики Сената императрица перешла к критике республиканских форм правления: «Российская империя есть столь обширна, что кроме самодержавного государя всякая другая форма правления вредна ей, ибо все прочее медлительнее в исполнениях и многое множество страстей разных в себе имеет, которые все к раздроблению власти и силы влекут, нежели одного государя, имеющего все способы к пресечению всякого вреда и почитая общее добро своим собственным» (25). В целом следуя логике рассмотренных выше реформаторских проектов, Екатерина констатировала необходимость установления «вечных и непременных законов». Сходные идеи императрица позднее изложит в одной из своих записок (26).

Наконец, о сходстве политического языка Панина и Екатерины говорит проект закона о престолонаследии – «Императорская статья Екатерины Второй», составленная в 1766 или 1767 г., а также обширный проект манифеста о престолонаследии 1785 г. (27) и составленный императрицей в 1787 г. «Наказ Сенату», «проект своего рода абсолютистской конституции империи», который усиливал компетенцию совета (здесь совет именовался «Советом императорского величества») и, в частности, наделял его правами опекунов в случае малолетства наследника престола (28).

Итак, концептуальный аппарат, использовавшийся Паниным для демонстрации идей, которые обычно связывают с его конституционалистскими предпочтениями, в полной мере присутствовал и в текстах Екатерины 60-х гг. XVIII в. Уже позднее сам Панин напоминал Павлу Петровичу о том, что в реформах «первым шагом почестъ бы должно установление законов», и тут же констатировал: «В них мы недостатка не имеем естлибы только в порядок настоящие приведены были но сие дело трудное и продолжительное котораго окончания дожидаться для исправления нужнаго весьма долго и неудобно было для течения дел» (29); интересно, что аналогичную характеристику Павел повторит и в конце 80-х гг. XVIII в.: «Законы у нас есть, но в порядок привести в их смысле. Новых не делать, но сообразить старые с государственным внутренним положением» (30).

Сложно согласиться с И.Ф. Худушиной, полагавшей, что, «обосновывая исключительность самодержавия для России», Екатерина II «виртуозно переставила местами “закон” и “господина”, как бы предупреждая, что ожидает ее подданных в случае разделения властей: “Лучше повиноваться законам под одним господином, чем угождать многим”» (31). В действительности, Екатерина II говорила здесь вовсе не о разделении властей – речь идет о классическом аргументе в пользу превосходства монархии над республикой, в чем предполагаемый вождь «дворянской фронды», Панин, был, как показывает текст его собственноручного доклада 1762 г., вполне солидарен с императрицей.

Если концептуальные противоречия между Екатериной II и ее министром не были столь значительными, почему же тогда императрица оставила реформаторские предложения Панина относительно Совета и Сената нереализованными? В 1768 г., перед началом войны с Османской империей, Екатерина вернулась к идее «совета» и учредила собственный Совет при Высочайшем дворе. В связи с этим можно было бы предположить влияние идей рубежа 50–60-х гг. XVIII в. Однако Совет при Высочайшем дворе существенно отличался от рассмотренных выше проектов, занимаясь преимущественно военными делами. По-видимому, созданный в 1768 г. Императорский совет Екатерины II не удовлетворил Панина. Об этом свидетельствует его записка императрице от 3 ноября 1768 г.: «...Я обязан Вашему Величеству прямодушно сказать, что от сего дня до завтра никак невозможно вдруг учредить непрменный Совет или Конференцию для течения дел и отправления; да и сие, Всемилостивейшая Государыня, на первый раз истинно не нужно, а может быть и затруднительно в рассуждении скорости времени, ибо на такое основание много дней пройти может в едином распоряжении обряда, по которому вести дела и их отправления».

Вместо этого Панин предложил назначить «чрезвычайное собрание», как это бывало в первой половине XVIII в. Записка Панина не противоречит его проекту 1762 г.: обер-гофмейстер продолжал четко разделять «чрезвычайные» и «непрменные» советы – в частности, вспомнив, что чрезвычайные совещания созывались «и в самое время непрменного Кабинета Императрицы Анны Иоанновны, куда для большего советования и расположения резолюций и мер призывались по соизволению Ея Величества некоторые знатнейшие генералы и тайные действительные советники» (32). Созданный в 1768 г. Императорский совет куда больше походил на Конференцию при дворе Ее Императорского Величества, чем на предложенный Паниным в 1762 г. Совет, отличительной чертой которого была отраслевая специализация и закрепленный статус статских секретарей.

Екатерина II не наделила правом представления Сенат, объявленный в «Наказе» «хранилищем законов» (33). Не был принят и «фундаментальный закон» (порядок престолонаследия), над которым она работала в 80-е гг. XVIII в. (34). Проводя реформы во всех областях, Екатерина не решилась за-

тронуть сферу законотворчества, предпочтя сосредоточить ее в собственной канцелярии и временных комиссиях. Императрица «хотела вести чисто личную политику, не прикрываемую никаким рядом стоящим, хотя бы только совещательным, но законно оформленным и ответственным учреждением» (35). Административно-политическая система, выстраиваемая императрицей, будет постепенно приближаться именно к той, о которой писал в 1762 г. А.Н. Вильбоа, сочетая возрастание роли личных секретарей и сменяющих друг друга фаворитов со слабостью законодательно установленных консультативных органов. Сама императрица помимо Совета «решала массу дел... по докладам Сената, коллегий и других мест» (36).

Представляется, что причины невосприимчивости Екатерины II к реформаторским предложениям Панина заключались не столько в концептуально-идеологическом противоречии между традиционным пониманием «самодержавной власти» и ограничительно-конституционными стремлениями части элиты, сколько в тонкостях легитимации монархии эпохи дворцовых переворотов, в частности – политической механики беспрецедентного дворцового переворота, возведшего Екатерину на престол. Вновь обратимся к «мнению» Вильбоа в той его части, где говорится об угрозе превращения членов Совета в «соправителей». Для того чтобы понять, каким образом подобное утверждение смогло сыграть роль убедительного аргумента (учитывая, что сам автор проекта реформы не имел в виду подобный вариант развития событий), необходимо рассматривать его в контексте специфической стратегии легитимации, избранной императрицей после переворота 1762 г.

Эта стратегия была основана не только на традиционном династическом фундаменте, но и на признании того, что личные качества Екатерины подходят для управления империей лучше, нежели качества легитимного, но бездарного Петра III. «Счастье не так слепо, как его себе представляют... счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения... Вот два разительных примера: Екатерина II, Петр III» (37), – эта фраза из «Записок» Екатерины II подчеркивает всю специфику языка этой легитимации, основанного на признании права нации сменить законного, но бездарного монарха на более талантливого, но не обладающего никакими законными правами на трон. Легитимация утвердившейся на троне в 1762 г. узурпаторши предполагала акцент на личных качествах и праве нации на свержение тирана (то, что С. Уиттакер называет «элективным характером» легитимации (38), хотя, по нашему мнению, более точным выражением было бы «республиканская легитимация»). Соответствующими концептуальными инновациями была впервые проведена на официальном уровне – в так называемом «Обстоятельном манифесте» Екатерины II. Манифест оправдывал переворот сразу несколькими путями, соединяя силу традиционной легитимации монархической власти (вплоть до демонстрации – посредством семантических уловок – кровного родства новой императрицы с прежними государями) с признанием права на свержение некомпетентного монарха-

«тирана» и ссылками на коллективную волю подданных (39). При этом в тексте манифеста говорилось о том, что действия свергнутого императора «столь чувствительно напоследок стали отвращать верность Российскую от подданства к нему, что ни единого в народе уже не оставалось, кто бы в голос с отвагою и без трепета не злословил его, и кто бы не готов был на пролитие крови его».

В более откровенной форме эти взгляды предстали в итоговом докладе Императорского Собрания 1763 г., в состав которого входил и Панин: «Всемогущий Бог определил судьбами своими принять скипетр к благополучию всего отечества российского Вашему Императорскому Величеству над таким уже народом, который не иным чем, как просвещенным своим разумом обозрел свое добро, целость и на будущие времена благополучие и потому возжелал единодушно и единомышленно Ваше Императорское Величество видеть на престоле *за ваши природные дарования* (курсив мой. – К.Б.)» (40).

Между тем дискурс стабильности и лояльности, предусматривавший введение «фундаментальных законов» и «формы правления», опирался на идеализированную картину французской монархии с ее династическими традициями и устойчивыми консультативными органами. Внутренние противоречия между республиканским обоснованием суверенной власти монарха как власти «достойнейшего» и признанием необходимости самоограничения с помощью «фундаментальных законов», между признанием за монархом «права самодержавства» и признанием за нацией права на восстание (оправдывавшего, между прочим, пребывание Екатерины II на престоле) были характерны и для реформаторских проектов самого Н.И. Панина – особенно яркое выражение они нашли в знаменитом «Рассуждении о непрелюбимых государственных законах».

Подобная стратегия легитимации, очевидно, делала для Екатерины проблемным вопрос официальной экспертизы со стороны опытных советников – это поставило бы под сомнение ее личные качества как правительницы. При этом политические атрибуты «умеренной монархии» – в частности, Императорский совет – могли в таком контексте казаться Екатерине II опасными или, по крайней мере, нежелательными.

Доверительные отношения между Екатериной и Паниным начала 60-х гг. XVIII в., во многом основанные на разделяемых политических ценностях, постепенно ухудшались по мере отказа Екатерины от помощи опытных и компетентных сановников елизаветинского времени. К концу 70-х гг. XVIII в. эти отношения превратились во взаимное недоверие. Узурпировавшая трон императрица не была заинтересована в существовании авторитетных консультативных органов. А уникальная для Европы ситуация политической конкуренции между матерью и сыном лишней раз свидетельствует о специфике легитимации пребывания Екатерины на троне – именно вследствие подобной специфики совершеннолетие Павла привело не к объявлению его

соправителем (как, например, Иосифа II в Австрии), но к окончательному отдалению цесаревича от процесса принятия решений. Между тем совершеннолетие Павла оказывало прямое влияние на изменение отношений между Екатериной II и Паниным...

Но если в провале панинских проектов преобразования высшего политического эшелона России решающую роль сыграла специфика легитимационной стратегии, избранной Екатериной II, то в развитии личного конфликта императрицы и ее министра ключевое значение имел другой фактор. Срок пребывания Панина на вершине политического Олимпа был очень долгим по европейским меркам, да и по российским меркам – Панин руководил внешней политикой России с 1762 по 1783 г., двадцать лет; даже признанный «политический долгожитель» А. И. Остерман оставался у важнейших рычагов управления в течение всего пятнадцати лет – с 1725 по 1741 г.

В политической борьбе рубежа 50–60-х гг. XVIII в. участвовали сановники, родившиеся в первой четверти «Века просвещения»: Н.И. Панин, его ровесник Д.В. Волков, А.И. Глебов, М.И. Воронцов, З.Г. Чернышев, Я.П. Шаховской, Н.Ю. Трубецкой, Г.Н. Теплов и др. (крупнейший поэт и политический публицист этого времени, А.П. Сумароков, тоже родился в 1717 г.), а также их более старые (но не менее честолюбивые) коллеги – Б. Миних, А. П. Бестужев-Рюмин, Г. Кейзерлинг. Вместе с тем переворот 1762 г. вознес на вершину власти многих из тех, кто родился после 1725 г., в том числе Г.Г. Орлова, А.А. Вяземского, Я.Е. Сиверса и др. Но к 1783 г. и они (кроме Вяземского) в большинстве своем уже сошли с авансцены. Панин же к тому времени был по меркам XVIII в. глубоким стариком. Люди, занявшие в 80-е гг. XVIII в. ключевые позиции в управлении империей, были моложе него: Г.А. Потемкин – на 20 лет, Н.И. Салтыков – на 18, А.А. Безбородко – на целых 28. Уже к концу 60-х гг. XVIII в. Н.И. Панин оказался старейшим из влиятельных сановников при дворе Екатерины II, однако почтенный возраст, очевидно, не придавал ему веса в глазах постоянно молодившейся императрицы. Длительное пребывание у кормила власти и старость оказались теми факторами, которые оказали негативное влияние на отношения между Екатериной и Паниным.

В бумагах М.А. Мещерской, правнучки генерала П.И. Панина, сохранилась история об Н.И. Панине, очевидно, относящаяся ко второй половине 70-х гг. XVIII в.: «Никита Иванович явился на придворном бале с бриллиантами, нашитыми на кафтане; тут подошла к нему какая-то щеголиха с замечанием, что его мода устарела и что бриллиантов на кафтаны уже нешивают. Он сейчас же ножичком отпорол свои бриллианты и просил эту даму принять их, так как они лучше пристали красивой женщине, чем ему» (41). Но тяготы старости не исчерпывались отставанием от моды. В последние годы жизни Панину было уже физически трудно постоянно присутствовать при дворе, и это отмечали иностранные дипломаты – например, французский посланник маркиз Шарль де Верак: «Вот уже примерно три месяца, как

граф Панин стал жаловаться на чрезвычайное расстройство своего здоровья... Лишь к четырем часам он показывается на людях, которые его ожидают в приемной. Однако уже в пять с половиной часов он вынужден сделать перерыв, чтобы совершить прогулку в карете или соснуть часок. Ежедневно к семи тридцати у него собираются люди, с которыми он обсуждает разные дела. Так проходит его день. В результате режим не оставляет графу Панину возможности бывать при дворе...» (42).

Британский исследователь Н. Хеншелл, рассматривая политическую архитектуру «абсолютных монархий» Нового времени, отмечает: «Придворные фракции – последовательно игнорировавшаяся деталь политической истории XVIII и XVII вв. Историки слишком часто забывают, что монархия оставалась персональной... Политика, таким образом, сводилась к стремлению склонить короля на свою сторону и подорвать при этом доверие к другому советчику... Обстоятельства, в которых оказывался монарх, а также его характер и способности, его возраст, здоровье и условия вступления на престол, его подозрительность по отношению к фаворитам и самостоятельность были определяющими для установления успешного контроля за осаждавшими его конкурирующими группами» (43). Императрица с каждым годом становилась все более и более опытной в искусстве государственного управления. К 70-м гг. XVIII в. Екатерина, по-видимому, перестала испытывать потребность в таком советнике, как Панин.

Позднее секретный агент французского короля в Санкт-Петербурге, Жан де Лаво, напишет о том, что в начале 80-х гг. XVIII в. Потемкину удалось оттеснить Панина и Орлова, играя на честолюбии императрицы: «Когда Потемкин заметил, что Екатерина достаточно тщеславна, чтобы внушать миру, будто она правит в одиночку и без всякой помощи со стороны министров, он не упустил ни одной возможности представить ей этих людей амбициозными, не довольствующимися разделением между собой управления Империей, стремящимися показать всей Европе, что именно они – первоисточники государственных дел, и что правление Екатерины заимствует все свое сияние у них» (44).

К сходным выводам приходил и князь М.М. Щербатов, рассуждая в знаменитом памфлете «О повреждении нравов в России» о карьере генерал-прокурора А.А. Вяземского: «Человек неблистательного ума, но глубокого рассуждения, имевший в руках своих доходы государственные, искуснейший способ для льщения употребил. Притворился быть глупым, представлял совершенное благоустройство Государства под властью ея (императрицы. – К.Б.), и говоря, что он, быв глуп, все едиными ея наставлениями и быв побуждаем духом ея делает, и иногда премудрость ея нетокмо ровнял, но и превышал над Божией, а сим самым учинился властитель над нею» (45). Время от времени отдельные исследователи называют Н.И. Панина «канцлером», наставник цесаревича не имел этой должности: Екатерина II обходилась вообще без канцлера, возможно, имитируя действия Людовика XIV,

упразднившего после смерти кардинала Дж. Мазарини должность первого министра. М.И. Воронцов вышел в отставку вскоре после переворота, в 1762 г., а И.А. Остерман, ставший в 1775 г. вице-канцлером, получил чин канцлера лишь в 1796 г., от Павла I.

В 1797 г., уже после правления Екатерины II – но, несомненно, отражая сложившиеся за годы ее царствования устойчивые представления о характере монаршей власти – бывший статс-секретарь императрицы А.В. Храповицкий решительно разрывал с французскими образцами, обращаясь к Г.Р. Державину (46).

Велик был Петр, велик неложно;
Но как поверить нам возможно,
Что он полцарства отдавал
За то, чтоб Ришелье воскреснул?...

У нас бы он с коварства треснул,
Или Россию продавал.
У нас цари не Лудовики
И не министрами велики,

Собой велики паче всех:
Был Меншиков и Бирон смирен,
И Зубов, ставши размундирен,
Для всех Россиян только смех.

Вполне возможно, что между Екатериной II и Паниным существовало множество разногласий по различным вопросам управления страной – например, противоречия по вопросам внешней политики. Однако о них мы можем судить главным образом по косвенным свидетельствам; это говорит о том, что подобные разногласия могли быть связаны не с идеологическими расхождениями или взаимонепониманием, а с вопросами, которые не касались непосредственно представлений о характере власти монарха или о «форме правления» в России. Политический лексикон, использовавшийся этими акторами для описания системы управления Империей, в значительной степени совпадал: и Панин, и Екатерина обращались к сходным понятиям и концепциям, чтобы вести речь об одних и тех же актуальных вопросах: «самодержавстве», монархии и «фундаментальных законах».

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Плотников А.Б.* Политические проекты Н.И. Панина: Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 1997. – С. 13.
- (2) *Ибнеева Г.В.* Борьба мнений вокруг проекта Императорского совета Н.И. Панина // Ученые записки Казанского гос. ун-та. – Казань, 1998. – Т. 134. – С. 105.

- (3) *Whittaker C.* Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. – DeKalb, 2003. – P. 256–257; *Писаренко К.А.* Тайны дворцовых переворотов. – М., 2009. – С. 348–359.
- (4) *Эйдельман Н.Я.* Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная печать. – М., 1973. – С. 111–130; *Вдовина Л.Н.* Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. // *Монархия и народовластие в культуре Просвещения.* – М., 1995. – С. 36–48; *Польской С.В.* Развитие представлений о законе в сознании российского дворянства XVIII века // *Философский век.* – Альманах 10: *Философия как судьба.* – СПб., 1999. – С. 167–177.
- (5) *Соколова Е.С.* «Дворянство есть нарицание в чести...»: опыт реконструкции правосознания высшего сословия Российской империи XVIII – первой половины XIX в. // *Известия Уральского государственного университета.* – 2005. – № 39. – С. 71–87.
- (6) *Писаренко К.А.* «Несколько дней из истории уединенного и приятного местечка» // *Иванов О.А., Лопатин В.С., Писаренко К.А.* Загадки русской истории. Восемнадцатый век. – М., 2000.
- (7) Сборник Императорского русского исторического общества. – СПб., 1871. – Т. 7. – С. 212.
- (8) *Плотников А.Б.* Политические проекты Н.И. Панина // *Вопросы истории.* – 2000. – № 7. – С. 78.
- (9) Проект Никиты Ивановича Панина... // РГАДА. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 22 об.
- (10) *Монтескье Ш.* О духе законов // *Избранные произведения.* – М., 1955. – С. 302–303.
- (11) Там же. – С. 177.
- (12) *Бильбасов В.А.* Панин и Мерсье де ла Ривьер // *Бильбасов В.А.* Исторические монографии. – СПб., 1901. – Т. 4. – С. 17–18.
- (13) *Польской С.В.* Русский конституционализм XVIII – начала XIX в. // http://www.perspectivy.info/misl/idea/russkij_konstitucionalizm_xviii_nachala_xix_v_2009-12-11.htm.
- (14) Специфическое различие между понятиями «указ» и «закон», являющееся частью российской правовой традиции, во французской версии «Наказа» было передано с помощью понятий «Edit» («Edictum» в латинской, «Berordnung» в немецкой версии) и «loi» («legis», «Gesetz»).
- (15) Наказ Ея Императорскаго Величества императрицы Екатерины Вторыя самодержицы всероссийския данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. – СПб., 1770. – С. 12.
- (16) Там же. – С. 12–14.
- (17) *Тарановский Ф.В.* Политическая доктрина в наказе Екатерины II // *Сборник статей по истории русского права, посвященный проф. М.Ф. Владимирскому-Буданову.* – Киев, 1904. – С. 80–86; *Польской С.В.* Русский конституционализм... // http://www.perspectivy.info/misl/idea/russkij_konstitucionalizm_xviii_nachala_xix_v_2009-12-11.htm. Дата обращения: 3.03.2010.
- (18) См.: *Разсуждения вечера 28 марта 1783 г.* // РГАДА. – Ф. 1. – Д. 57.
- (19) Наказ Ея Императорскаго Величества императрицы Екатерины Вторыя... – С. 56.
- (20) Первоначально книга вышла на французском языке в Амстердаме под заглавием «Antidote ou Réfutation du mauvais livre superbement imprimé intitulé: Voyage en Sibérie, etc.».
- (21) См.: *Chappe d'Auteroche.* Voyage en Sibérie, fait par ordre du Roi en 1761. – P., 1769.
- (22) Антидот (Противоядие). Полемиическое сочинение Екатерины II, или Разбор книги Шаппа д'Отероша о России // *Осьмнадцатый век.* – СПб., 1869. – Кн. 4. – С. 242.

- (23) [Екатерина II]. Записки императрицы Екатерины II. – СПб., 1907. – С. 645.
- (24) Собственноручное наставление Екатерины II князю Вяземскому при вступлении им в должность генерал-прокурора // СИРИО. – СПб., 1871. – Т. 7. – С. 345–348.
- (25) Там же. – С. 347.
- (26) Собственноручная записка Императрицы Екатерины II о величии России и об ослаблении ее в случае осуществления замыслов Князей Долгоруковых при восшествии на престол Императрицы Анны // РГАДА. – Ф. 10: Кабинет Екатерины II. – Оп. 1. – Д. 361. – Л. 1.
- (27) Сафонов М.М. Завещание Екатерины II. – СПб., 2001. – С. 240–244.
- (28) Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. – М., 1993. – С. 246–248; Сафонов М.М. Завещание Екатерины II... – С. 244–250.
- (29) Разсуждения вечера 28 марта 1783 г. // РГАДА. – Ф. 1. – Д. 57. – Л. 1–1 об. Этот фрагмент не был опубликован обнаружившим записку М.М. Сафоновым.
- (30) Материалы к русской истории XVIII в. // Вестник Европы. Журнал историко-политических наук. Второй год. – СПб., 1867. – Т. I. – С. 316.
- (31) Худушина И.Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX вв.). – М., 1995. – С. 57.
- (32) Даневский П.Н. Приложения // Даневский П.Н. История образования Государственного совета в России. – СПб., 1859. – С. 20–21.
- (33) Наказ Ея Императорскаго Величества императрицы Екатерины Вторыя... – С. 16.
- (34) См.: Сафонов М.М. Завещание Екатерины II... – С. 238–250.
- (35) Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. – М., 1989 – Т. 5. – Ч. V. – С. 65.
- (36) Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... – Рязань, 2003. – С. 437.
- (37) Собственноручные записки императрицы Екатерины II // Соч. Екатерины II. – М., 1990. – С. 22.
- (38) Whittaker C. The Idea of Autocracy among Eighteenth-Century Russian Historians // Russian Review. – Apr., 1996. – Vol. 55. – № 2. – P. 149–171.
- (39) Интересно, что этот вопрос представлял определенные трудности для мыслителя, фрондерские настроения которого не подлежат сомнению. В знаменитом памфлете «О повреждении нравов в России» М.М. Щербатов подчеркнул нелегитимность способа захвата власти Екатериной: «Супруга сего Петра Третьего, рожденная Принцесса Ангальт-Цербская Екатерина Алексеевна, взошла с низвержением его, на российский престол. Не рожденная от крови наших государей, жена свергнувшая своего мужа возмущением и вооруженною рукою, в награду за столь добродетельное дело корону и скиптр российский получила, купно и с именованьем благочестивыя государыни...». Но однозначного ответа на то, можно ли предпочесть *способнейшего* монарха *законнейшему* Щербатов не дал, ограничившись замечанием: «Не можно сказать, чтобы она не была качествами достойна править толь великой Империей, естли женщина возможет поднять сие иго, и *естли одних качеств довольно для сего вышняго сану* (курсив мой. – К.Б.)» (Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. – М., 1983. – С. 79).
- (40) Доклад комиссии о правах и преимуществах русского дворянства. 18 марта 1763 г. // СИРИО. – СПб., 1871. – Т. 7. – С. 241. Не менее интересно и то, что подписавший этот доклад А.П. Бестужев-Рюмин в специальном «представлении» отмечал: «...Как сей неоцененной нам дар происходит не по какому прошению, но от собственной Е.И.В. *самодержавной деспотической воли* (курсив мой. – К.Б.) и един-

ственно от ее благодеющей руки, то не требует ли тем больше наша всеподданнейшая должность изъявить сей несравненной императрице и самодержице, сколько по возможности нашей станет, отличное за то признание», – и предлагал от имени собрания «учинить всеподданнейший Е.И. В-ву доклад со испрошением всемилостивейшего дозволения, дабы мы, соединяся с Правительствующим Сенатом, смели Е.И. В-ву корпусом и торжественным образом от имени всего российского дворянства и всего ей подвластного народа представить принимаемое на себя титуло и название Матери Отечества» (Представление А.П. Бестужева о поднесении Екатерине II титула Матери Отечества. 26 февраля 1763 г. // *Омельченко О.А.* Императорское Собрание 1763 г. (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. – М., 2001. – С. 94–95). Права дворянства и «корпус», представляющий его, вполне сочетались в лексиконе Бестужева с «самодержавной деспотической волей» императрицы.

- (41) Панины в письмах, переписке и др. актах XVIII и первой половины XIX века: Сборник, составленный внучкой Никиты Петровича Панина: В 4 кн., с биографическим сведениями о Н.И. Панине, П.И. Панине и Н.П. Панине, с рукописным текстом, охватывающим период с 1673 по 1837 г. // РГАДА. – Ф. 1274. – Оп. 1. – Д. 2889. – Л. 36.
- (42) Цит. по: *Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. – М., 2004. – С. 190.
- (43) *Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западно-европейской монархии раннего Нового времени. – СПб., 2003. – С. 78–79.
- (44) Цит. по: *Meehan-Waters B.* Catherine the Great and the Problem of Female Rule // *Russian Review*. – Jul., 1975. – Vol. 34. – № 3. – P. 297.
- (45) *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова... – М., 1983.
- (46) Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. – СПб., 1865. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 35.

NIKITA PANIN AND CATHERINE II: CONCEPTUAL ASPECT OF POLITICAL RELATIONS

K.D. Bugrov

Department of Russian History
A.M. Gorky Ural State University
Lenin Ave., 51, Ekaterinburg, Russia, 620083

The article is devoted to the problems of political relations between Catherine II and one of her most influential statesmen, Nikita Panin. It is based on research of conceptual apparatus which was used by both Catherine and Panin to analyze the character of supreme Imperial power, as well as the principles of its functioning, legitimation and preserving. The main conclusion is that the conflict between these political actors was not of an ideological original, but of personal kind. The failure of Panin's reform program was connected mainly with the specific nature of legitimation of the palace coup that raise Catherine II to the throne in 1762.

Key words: N.I. Panin, Catherine II, Montesquieu, The Imperial Council, fundamental laws, political lexicon of 18th century Russia, palace coups in Russia.